

традиций в различных аспектах — в результате личных взаимоотношений, внутри и межсемейных, родственно-соседских, наконец, в деятельности общины как основной носительницы всех традиций, вплоть до семейно-бытовых. Автор приводит интересные доказательства того факта, что основным средством в сохранении и передаче трудовых традиций были коллективные работы крестьян в разных сферах их хозяйственной деятельности. Эта четко проводимая мысль обогащает представления об организации трудовой жизни русской деревни, основу которой составляла деятельность индивидуальных крестьянских хозяйств. В данном случае мысль автора можно было бы развить, ибо коллективные работы (в частности, обобщенная М. М. Громыко так называемая навозница) были одним из факторов приспособляемости крестьян к тяжелым условиям Сибири и в то же время консервации сложившихся трудовых традиций. Вывод М. М. Громыко о коллективном характере передачи хозяйственного опыта дает дополнительные возможности для дальнейшего изучения вопроса о широком освоении Сибири русскими переселенцами.

Последнее соображение — наиболее веский аргумент для признания книги М. М. Громыко не только интересной и полезной, но и создающей предпосылки для новых исследований в сибиреведении, особенно в области этнокультурных связей русского и аборигенного населения, влияния миграций из-за Урала и внутри Сибири на состояние традиционно сложившегося хозяйства, особенно в разных ландшафтно-почвенных зонах. Высказанные соображения в связи с разбором книги М. М. Громыко лишь убеждают в необходимости целого ряда новых исследований, без которых обобщающий труд, посвященный культуре сибирского крестьянства, создать нельзя.

В. А. Александров

Н. А. Миненко. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975, 308 стр.

Исследование Н. А. Миненко посвящено вопросам этнической истории, хозяйства и культуры населения Северо-Западной Сибири в период освоения ее русскими. Работа основана на большом архивном материале, хранящемся в московских, ленинградских и сибирских архивах, малоизвестном историкам и этнографам.

Автор ставит перед собой задачу осветить проблемы освоения севера Западной Сибири в XVIII в. Н. А. Миненко подробно останавливается на характере колониационных процессов и результатах адаптации русского населения в условиях севера, на взаимодействии сосуществующих формаций и культур пришлого и коренного населения. В целом задачи, поставленные автором, решены удачно. Книга дает яркое представление о расселении, численности, динамике населения, хозяйстве и культуре, взаимоотношениях русского и коренного населения — хантов и ненцев, в меньшей степени — манси и селькупов.

Рецензируемая работа состоит из введения, трех глав и заключения.

Во введении автор формулирует задачи исследования и дает краткий историографический обзор, останавливаясь при этом на характере привлекаемых архивных источников. Архивные документы, на которые опирается автор, весьма ценны и интересны. Разделы, посвященные анализу таких документов, как «Материалы по обычному праву ненцев, хантов и манси», «Топографическое описание Тобольского наместничества», являются подлинным вкладом в источниковедение. Совершенно правильно, на наш взгляд, оценивает Н. А. Миненко значение для последующих исследователей опубликованной только в 1947 г. работы В. Ф. Зуева и вскрывает компилятивный характер работ И. Г. Георги и Ф. Белявского. Что касается М. А. Кастрена, то автор, видимо, несколько переоценивает его заслуги в «разработке вопроса об общественном устройстве ненцев и хантов» (стр. 9). На наш взгляд, финский ученый не смог разобраться в этом вопросе, в частности фратрии («роды... включающие сотни и тысячи лиц») были приняты им за роды.

Автор совершенно правильно оценивает характер и значение такого архивного источника, как ревизские сказки. В разное время они привлекали внимание многих историков и этнографов. Материалы ревизских сказок — переписей — дают ценные сведения по численности, динамике населения, его составу. Уникальны материалы ревизских сказок по именам некрещеного населения Обдорской волости Березовского уезда¹. Однако данные по семье в них не всегда точны, это выявляется при сопоставлении их с исповедными росписями метрических церковных книг.

Наиболее удачны первая и третья главы работы Н. А. Миненко. В первой главе («Русское население Северо-Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в.») автор исследует динамику, размещение, сословный и социальный состав, хозяйство, некоторые особенности культуры и быта, духовную жизнь русского населения север-

¹ См. З. П. Соколова, Наследственные, или предковые имена обских угров и связанные с ними обычаи, «Сов. этнография», 1975, № 5.

ного Приобья. Н. А. Миненко оперирует статистическими материалами, приводит яркие конкретные примеры, почерпнутые из неизвестных до сих пор источников, характеризующие историю, хозяйство, культуру и быт первых русских насельников Сибири. Особенно интересны разделы «Хозяйство», «Некоторые особенности культуры и быта», «Духовная жизнь». Значительная часть вопросов, поднятых в исследовании, еще мало изучена советской исторической наукой. Закономерно выделение Н. А. Миненко группы русских насельников Северо-Западной Сибири в этнотерриториальную общность — этнографическую группу, особенности которой хорошо показаны. Совершенно справедливо ставится вопрос о большом влиянии коренных обитателей края на духовную жизнь русских переселенцев.

Н. А. Миненко в целом правильно оценивает взаимоотношения русского и коренного населения, их культурные контакты, хотя, на наш взгляд, иногда их несколько идеализирует. Так, вряд ли можно утверждать, что «русские поселенцы... считали себя до известной степени ответственными за судьбу аборигенов края» (стр. 129). Правительственные указы и предписания, стремившиеся оградить коренное население от пагубного влияния новых контактов (ограничение продажи вина, поездки торговцев в селения, закрепление промысловых угодий за пришлым населением), готовились не без влияния отдельных представителей местной русской интеллигенции и прогрессивно настроенных чиновников, о чем ярко свидетельствуют многие страницы книги (стр. 53, 54 и др.). Однако приписывать подобные стремления всем русским поселенцам нет оснований. Большинство их было вынуждено осваиваться на новых землях — промышленно или торговать (даже казаки!), что неизбежно должно было привести к столкновению и конфликтам с местным населением. Кстати, это нашло отражение и в документах, приведенных автором (стр. 54, 55, 59, 60). Точно так же сомнительными представляются «дружба» коренного населения с торговцами из среды местных русских и оценка русскими смешанных русско-хантыйских браков как «вполне нормального явления» (стр. 129). Во-первых, такие браки в то время были единичными, во-вторых, хантыйские женщины чаще оказывались в положении наложниц, а не жен. К тому же смешанные браки вряд ли могли повлиять на семейный быт русских (стр. 118). Более критически следует, вероятно, относиться и к документам, где говорится о том, что местные русские купцы продавали товары «на совесть» (стр. 69) и что местное русское население добывало рыбу только для себя (стр. 51).

Большой интерес представляют опубликованные в первой главе таблицы 5 и 6, характеризующие структуру семей русского населения. Жаль только, что они не унифицированы.

Во второй главе книги («Коренное население Северо-Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в.») затрагивается обширный круг вопросов: этнический состав, численность и расселение, хозяйство и особенности материальной культуры, социальные и семейные отношения, духовная культура аборигенного населения.

Однако в отличие от первой главы автор не смог избежать здесь некоторых, на наш взгляд, серьезных недостатков.

Описывая хозяйство и культуру хантов и ненцев, автор использует архивные материалы, дополняя их сообщениями современников — В. Ф. Зуева, Ф. Белявского, М. А. Кастрена, Г. Новицкого, И. Г. Георги, а также работами Н. Абрамова. Довольно обширная этнографическая литература последующих лет, а также советского периода, хотя и указана в историографическом очерке, но практически почти не использована. В результате ряд проблем изложен Н. А. Миненко как бы на уровне описаний XVIII — начала XIX в. Автор в своем изложении не разделяет хантов и ненцев, недостаточное внимание уделено манси и селькупам.

Интересен вопрос о формировании ляпинско-сосвинской группы манси. Состав ее, по всей видимости, действительно смешанный — хантыйско-мансийский. Однако этот процесс смешения, скорее всего, был весьма длительным. Мы никак не можем согласиться с мнением Н. А. Миненко о том, что «процесс ассимиляции хантов, попавших в мансийское окружение, может завершиться в течение жизни одного поколения» (стр. 145). Пример (с фамилией Рохтымовых), который приводится в подтверждение этого мнения, как раз свидетельствует об обратном. Наличие одинаковых фамилий или имен, легших в основу этих фамилий, в разных регионах может быть объяснено двумя причинами: миграциями населения и существованием имен, одинаково звучащих на разных диалектах одного языка и означающих какое-либо сходное явление или предмет (например, фамилия Хотанев может происходить от имени или прозвища: Хатын — лебедь, Хатань — татарин). Устанавливать причину такого сходства фамилий или имен необходимо в каждом конкретном случае, привлекая все возможные материалы, чего автор рецензируемой работы, видимо, сделать не смог. Так, фамилия Рохтымов могла образоваться от имен Рехтан (Сосьвинская волость, 1633 г.) и Рахтан (Куноватская волость, 1650 г.). В 1648 и 1650 гг. в Сосьвинской волости жили Рохматы (в другом написании — Рахматы, Рахметовы), а в конце XVIII в. в Ляпинской и Куноватской волостях — Рохтымовы, в Казымской волости — Ректымовы. Связь этих имен и фамилий несомненна, разница в написании очень невелика, что может быть объяснено как различиями в диалектах, так и искажениями их писцами. Этот пример может свидетельствовать лишь об общности имен и фамилий у разных групп хантов (обских) и манси (ляпинско-сосвинских) и возможных миграциях представителей данных групп.

Второй раздел главы «Хозяйство» в целом написан хорошо, содержит много ярких примеров, новых данных. Совершенно правильно оценивает автор большую роль охоты с луком у хантов и ненцев. Отметим, что у хантов она сохранялась еще в начале нашего столетия. К сожалению, в этом разделе много неточностей, происходящих, видимо, от недостаточного знакомства автора с этнографическими материалами. Так, клей варится не из осетров (стр. 162), а из осетровых пузырей; котцы — это не «маты из тонких жердочек» (стр. 157), а специальные заборы — изгороди с ловушками, плетеными из тонких планок или тальника; пимы и чжи (русские термины местных «сапог» и «чулок») различаются не только материалом (стр. 106), но и функцией и техникой шитья: первые использовались как обувь и шились мехом наружу, вторые — чулки — шились мехом внутрь и т. п.

Пожалуй, слишком категорично некоторые домашние занятия хантов и ненцев, например изготовление лодок, диновок, мереж, веревок и др., названы ремеслом (стр. 162). Эти занятия даже в XIX в. не носили ремесленного характера.

Большие возражения вызывает третий параграф рассматриваемой главы («Социальные отношения»). Сам по себе пересмотр установившихся в литературе точек зрения на род у обских угров заслуживает одобрения. Автор правильно говорит о невозможности установить род по тамгам, о трудности его локализации (стр. 173). Н. А. Миненко считает, что в описываемое время для хантов и манси была характерна патронимия. С одной стороны, не совсем ясно, что понимает исследователь под этим термином («особая, свойственная патриархально-родовому строю общественная форма» — стр. 175, «селение-патронимия» — стр. 175, «община родового типа» — стр. 176), с другой — этот термин то и дело заменяется термином «род» (стр. 186, 187). По мнению автора, патронимия — новообразование, возникшее «на основе подлинных родов». «Под влиянием активных миграций хантов и манси с конца XVI в.». Вместе с тем Н. А. Миненко пишет, что «патронимия возникает в результате дробления семейных общин» (стр. 175). Патронимия характеризуется, по ее словам, общей территорией, экзогамией, наличием собственного князья, многофамильность (стр. 174). В то же время угодыя, по утверждению автора, делились между семьями и пользование ими становилось наследственным (стр. 177), а «патронимийные старейшины» были выборными лицами (стр. 181). Трудно себе представить, как многофамильность сочеталась с патронимией. Вывод Н. А. Миненко о патронимии как основной социальной единице обских угров в рассматриваемое время необоснован и не подкреплен конкретными материалами. Их анализ показывает, что в это время патронимия для обских угров не была характерна, селения-юрты имели различный социальный состав. В Березовском уезде они были населены большими и малыми семьями, не всегда состоящими в родстве между собой, а в Сургутском уезде селения чаще всего были заселены членами только одной большой или малой семьи.

Большую ценность представляют материалы, касающиеся института «князцов», «старейшин» и «почетных родовичей» у обских угров, суммированные автором на основе различных источников (стр. 181—184), однако не следует распространять на все группы хантов данные М. А. Кастрена о родовых старейшинах у северных хантов и ненцев (стр. 174).

В разделе «Семейные отношения» Н. А. Миненко приводит интересные архивные данные о браках малолетних и многоженстве: анализирует обычное право хантов и ненцев. На наш взгляд, она совершенно правильно оценивает форму брачных отношений хантов и ненцев в тот период как более соответствующую парному, а не моногамному браку (стр. 194, 195). В книге приводятся обширные материалы, доказывающие равноправное положение женщины в семье хантов и ненцев, и правильно отмечается, что экономической его основой были «особенности ее имущественных прав» (стр. 192), т. е. большая роль приданого в браке, которое было личной собственностью женщины. Следовало бы также отметить, что в условиях северного промыслового хозяйства роль женщины в обработке и консервации продуктов промысла (особенно рыболовства) была не меньше, чем роль добытчика-мужчины.

Н. А. Миненко справедливо говорит о сравнительно недавнем возникновении представлений о неполноценности женщин, развитии этих представлений под влиянием ясачной политики. Она правильно подмечает особенности семейного быта хантов и ненцев — обычай сдержанного отношения супругов друг к другу при посторонних и др. (стр. 193). Однако объяснение запретов, касающихся женщин, в частности запрета перешагивать через промысловые орудия, дано ею не совсем верно (стр. 192). Дело не в представлениях об особой магической силе женщины, а в древнейших обычаях охотничье-рыболовецких народов, всегда стремившихся к тому, чтобы промысловые орудия и снасти не восприняли человеческого запаха, особенно женского.

В разделе «Духовная культура» наиболее интересен, по нашему мнению, анализ обычного права хантов и ненцев. Абсолютно правильна, на наш взгляд, оценка обычая дарения, связанного с взаимопомощью. Однако вряд ли, как нам кажется, «возникновение феномена взаимного дарения было связано с распадом старого института родовой взаимопомощи» (стр. 213). Напротив, это скорее реликт древнего обычая, когда все члены общества были обязаны помогать друг другу и делиться всем, кто чем может. В разделе содержатся оригинальные материалы и выводы автора, хорошо показан синкретизм религии хантов. Жаль лишь, что данные о формах религиозных представлений, искусстве, народных знаниях не совсем точны и ясны. Так, например,

неясно, что такое «патронимийный культ» (стр. 200); какая связь между патронимийными кладбищами и священными культовыми местами хантов Эсталинских юрт (?!), между культом медведя и почитанием лесного бога (?!); какова связь промыслового культа с культом деревьев, почему медведь и волк до XVIII в. были «когнатными родовыми тотемами» (стр. 202).

Третья глава работы («Государственные власти и население Северо-Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в.») посвящена особенностям управления и правительственной политики в крае. Здесь Н. А. Миненко сообщает много нового. Большинство из рассматриваемых ею проблем оставались до сих пор почти неизученными. Существующая литература затрагивала лишь вопросы, связанные с реформой Сперанского, освободительным движением и христианизацией хантов и ненцев. Н. А. Миненко рисует яркую картину злоупотреблений администрации на севере Сибири. В разделе, посвященном политике правительства в отношении коренного населения, весьма ценны данные, касающиеся сбора ясака, подготовительной работы, предшествующей реформе Сперанского, распространения православия среди народов Севера. В оценке реформы Сперанского автор расходится со своими предшественниками (Л. И. Светличная, В. Г. Карцов), считая, что устав 1822 г. был продолжением старой политики консервации культуры и быта коренного населения. Думается, что в данном случае автор не совсем прав, так как реформа Сперанского была, безусловно, прогрессивным явлением.

По-новому подходит Н. А. Миненко к оценке методов крещения народов Западной Сибири. Ею правильно отмечено, что предоставление новокрещеным различных льгот, особенно в уплате ясака, способствовало распространению православия. Но совершенно очевидно, что при этом применялись и насильственные методы. Автор, кстати, приводит яркие тому примеры (стр. 279, 280). Тот факт, что миссионеры всегда сопровождали солдаты и казаки, даже если они и были необходимы «для помощи при передвижении по труднодоступным районам севера» (стр. 271), не мог не устрашать население.

В целом же капитальное исследование Н. А. Миненко представляет большой интерес для историков и этнографов. Безусловным достоинством работы являются как публикация и интерпретация обширных и новых архивных материалов, так и нешаблонный, самостоятельный, оригинальный подход автора к решению ряда сложнейших проблем.

З. П. Соколова

Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки (азиатские эскимосы, чукчи, керекчи, коряки и ительмены). Составление, предисловие и примечания Г. А. Меновщикова. М., 1974, 646 стр.

В рецензируемой книге опубликовано 206 текстов сказок и мифов народов Крайнего Северо-Востока СССР. Из них эскимосских 55, чукотских 56, керекских 12, корякских 35, ительменских 48. Некоторые из представленных сказок (например, 27 эскимосских, 23 чукотских, 17 корякских) можно встретить в более ранних изданиях, выходящих в свет небольшими тиражами в местных издательствах (Магадан, Хабаровск). Такие сборники нередко публиковались на чукотском, корякском и других языках народов Чукотки и Камчатки и не всегда снабжались необходимым научным аппаратом.

В данной книге помещен фольклорный материал, собиравшийся в разные годы, причем как в сборе, так и в переводе его на русский язык принимали участие представители местной национальной интеллигенции. Так, например, часть сказок и мифов была записана чукчами В. Ятыргиным, Ф. Тынэтэгыном и П. И. Инэнликеем, эскимосами Н. Рукактак и В. Анальквасак, коряками К. Кеккетыном и Х. Нутэвыи, ительменкой Н. К. Старковой. Основная часть публикуемых фольклорных текстов собрана и переведена известными специалистами по языкам народов Севера Е. С. Рубцовой и Г. А. Меновщиковым (фольклор эскимосов), Л. В. Беликовым и П. А. Скориком (фольклор чукчей), С. Н. Стебнишким, А. Н. Жүковой и И. С. Вдовинным (корякский фольклор), А. П. Володиным (ительменский фольклор), В. В. Леонтьевым (керекский фольклор). —

Особое место занимают в сборнике разделы, посвященные фольклору ительменов и почти неизвестному ранее фольклору кереков. По разным причинам фольклор этих народностей, во многом еще мало изученных, ранее почти совершенно не публиковался. В рецензируемой книге помещено 48 сказок и мифов ительменов, собранных известной исследовательницей народов Севера Е. П. Орловой (12 образцов), Н. К. Старковой (5), А. П. Володиным (10). 21 текст (в переводе на русский язык А. П. Володина) перепечатан из книги И. В. Йохельсона, изданной в 1961 г. на английском языке. Для фольклористов, историков, этнографов эти разделы представляют большую ценность.

Книга подготовлена, тщательно прокомментирована известным специалистом по языку эскимосов Г. А. Меновщиковым. Каждый образец фольклора хорошо документирован. В комментариях сообщается много ценных сведений по культуре, фольклору, истории эскимосов, чукчей и их соседей. В «Этнографической справке» (стр. 596—599)